

ИДЕИ И ПРАКТИКА

О.Г. ХАРИТОНОВА

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ¹

После третьей волны демократизации (1974–1991) значительно увеличилось количество «революций с прилагательными»: революция гвоздик, желтая революция, бархатная, электоральная, шафрановая, революция бульдозеров, кедровая революция, оранжевая, революция роз, революция тюльпанов, твиттер-революция и т.д. Но не все революции, имеющие цвет, будут цветными революциями. В данной статье цветными революциями называются постэлекторальные широкие движения оппозиции, направленные на восстановление провозглашенных режимом институциональных основ демократии, нарушенных в ходе выборов². В статье предпринята попытка рассмотреть роль и место цветных революций через призму теорий демократического транзита и основных подходов к демократизации.

¹ Статья написана в рамках проекта «Transit versus transformation: comparing paths to democratic change in the former USSR using case study based evidence from civil society, international aid and domestic politics» (PIRSES-GA-2011–295232).

² Такое определение, хотя и исключает результаты цветных революций, сокращает число казусов до пяти: Филиппины (1986), Сербия (2000), Грузия (2003), Украина (2004) и Кыргызстан (2005).

Революции и цветные революции

Революции, социальные революции, бархатные революции и цветные революции представляют собой свержение правящей элиты, получившее легитимацию благодаря широкой поддержке населения. Являются ли все они революциями в классическом понимании и можно ли говорить о «революциях с прилагательными» как подвидах революций?

Классические определения дают следующую характеристику революциям: «...быстрая, фундаментальная и насильственная смена доминирующих ценностей и мифов в обществе, в политических институтах, социальных структурах, лидерстве и политике государства» [Huntington, 1968, p. 264]. Теоретики социальных революций (Т. Скочпол, Б. Мур, К. Маркс), выявляющие с точки зрения структурного подхода социальные причины революций, включают в определение классовый конфликт и изменения в классовой структуре общества. В «революции с прилагательным» Т. Скочпол сохраняются обязательные и достаточные признаки революций (ядро концепта) и появляется признак второго уровня (социальная), тем самым расширяется содержание (интенционал, совокупность признаков) и уменьшается объем (экстенционал, совокупность обозначаемых предметов)¹.

Бархатные революции третьей волны, разрушившие посттоталитарные режимы и начавшие демократические транзиты в странах Восточной Европы, можно считать революциями с точки зрения результата (смена элиты, трансформация политической системы, изменение политики), поэтому многие авторы называют их ненасильственными вариантами революций. В данном случае «революция с прилагательным» означает усечение концепта через изменение одного из ключевых признаков – «использование насилия». То есть усеченный подвид представляет собой «неполную революцию», и прилагательное указывает на отсутствующую (в дан-

¹ «Концепт + прилагательное» является вариантом классического концептообразования в терминологии Колье и Левицкого, когда к концепту добавляются характеристики, либо усеченным подвидам, когда у концепта отнимаются характеристики. Изменение характеристик позволяет перемещаться по лестнице абстракции, меняя объем (экстенционал) концепта, избежав тем самым «концептных натяжек» [Сартори, 2003].

ном случае отличающую данный подвид) характеристику¹. Некоторые авторы вносят изменения в классическое определение и вместо использования насилия говорят об угрозе использования насилия. Для Ч. Фейрбанкса² восточноевропейские революции являются революциями в классическом понимании, и их можно сравнивать с другими политическими революциями. Дж. Голдстоун говорит о новой типологии революций: цветные (ненасильственные) и радикальные [Goldstone, 2009].

Действует ли логика усечения концепта в определении цветных революций? Если результатом бархатных революций стали распады недемократических режимов и начало демократических транзитов, то цветные революции привели к смене власти, но не стали поворотным этапом на пути к демократии. Цветные революции дискредитируют и в итоге свергают не режим, систему и институты, а действующую политическую элиту с ее методами, нарушающими основы существующего режима. В названиях акторов «Отпор», «Кмара» (достаточно), «Пора!», «КелКел» (возрождение) проявляется дух революционного времени (ленинское «вчера было рано, а завтра будет поздно»), но акторы революций говорят только о замене политических лидеров и их сторонников и не имеют идеологически обоснованных планов революционного переустройства общества. Главная задекларированная цель цветных революций – смена лидерства (внутри режима) для восстановления институциональных основ режима (в данном случае демократии), нарушенных режимом в ходе выборов. Цветная революция не требует осуществления широкой общественной и политической трансформации, и ее легитимация осуществляется благодаря дискредитации прежней власти и широкой массовой мобилизации. По

¹ Этой же логикой руководствовались при создании «демократий с прилагательными», когда демократии не хватало соревновательности (несоревновательная), либерализма (нелиберальная), свободы от вмешательства невыборных властей (опекунская) и пр. Однако многие авторы считают, что «демократии с прилагательными» представляют собой разновидности другого концепта – авторитаризма.

² Для него основные признаки революций – это дискредитация старого порядка, быстрая смена правящего класса от имени и посредством всего общества, идеологическое обоснование и легитимации новой власти, дальнейшие широкие изменения и использование насилия или угрозы насилия [Fairbanks, 2007, p. 42–43].

мнению многих авторов, в цветных революциях было больше преемственности, чем изменений [Hale, 2006, p. 306; Cheterian, 2009], что не позволяет говорить о каком-либо демократизационном и, тем более, революционном эффекте. Таким образом, цветные революции не являются революциями в классическом понимании.

М. Томпсон вводит термин «демократические революции», которые он понимает как спонтанные мирные, городские и межклассовые народные выступления, свергающие диктаторов и приводящие к консолидации демократии [Thompson, 2004, p. 1]¹. Действительно, результатом бархатных революций стали распады недемократических режимов и демократические транзиты, но цветные революции привели лишь к смене власти и не стали поворотным этапом на пути к демократии. Единственный признак, объединяющий революции и цветные революции, – широкая мобилизация, которая в обоих случаях была межклассовой, общим мотивом для участия стали лозунги изменений (системы – в первом случае и элиты – во втором), а не принадлежность к определенным социальным группам / классам.

В. Банс и С. Уолчик используют термин «электоральные революции», объединяющий все смены власти в результате выборов, сопровождаемых массовыми выступлениями до, в ходе или после выборов. Поэтому они приходят к выводу, что волна электоральных революций в посткоммунистических странах является «не только региональной по своему охвату, но такой же сильной в плане демократизационного эффекта, как первая волна революций в 1988–1992 гг.»² [Bunce, Wolchik, 2006, p. 5]. По мнению Силицкого, термин «электоральные революции» включает три категории политических изменений в посткоммунистическом мире: «трансформационные выборы», «электоральные революции» и «постэлек-

¹ В данную категорию попадают все народные восстания, инициированные «снизу» и не всегда приводящие к началу транзита или к его завершению: Филиппины (1986), Южная Корея (1987), Пакистан (1988), Бирма (1988), Китай (1989), ГДР (1989), Чехословакия (1989), Румыния (1989), Непал (1990), Индонезия (1998), Сербия (2000) и др. [Thompson, 2004, p. 2].

² Согласно Банс и Уолчику, в первую волну революций попадают восточноевропейские бархатные революции третьей волны демократизации, во вторую – электоральные революции, причем под электоральными революциями понимаются все факты перехода власти в руки оппозиции.

торальные народные выступления» [Silitski, 2009, p. 86]¹. А. Картер использует термин «критические выборы» для обозначения выборов, которым предшествует мобилизация, а случаи, когда выборы сопровождаются постэлекторальными выступлениями, называет «электоральными революциями» [Carter, 2012, p. 126].

Использование прилагательных не снимает классической проблемы «растяжения концепта», когда «объем понятия возрастает за счет размывания содержания» [Сартори, 2003, с. 153], так как прилагательные не позволяют зафиксировать основные признаки концепта. Однако проблема заключается не в атрибутивных характеристиках, а в самом предмете (предикате), который не является революцией, и было бы правильнее назвать цветные революции псевдореволюциями, движениями или восстаниями и в хантингтоновском понимании. Согласно Хантингтону, «восстания могут привести к изменению политики, лидерства и политических институтов, но не социальной структуры и ценностей» [Huntington, 1968, p. 264].

Д. Лейн называет цветные революции *революционными переломами*, так как высокий уровень участия элиты и контрэлиты, а также массового участия (в качестве аудитории) ведут к обновлению элиты, но не к широким политическим и социально-экономическим изменениям [Lane, 2008, p. 529]. Это определение показывает одновременно нелегальность смены лидерства в ходе цветных революций и ограниченность революционных результатов для общества. Т. Эш отмечает стирание границы между реформой и революцией, что позволяет ему говорить о «нереволюционной революции», которая может иметь форму «революции» (refolution) или «ревовыборов» (revelection) [Tudoroiu, 2007, p. 317].

Большинство исследователей считают целью цветных революций попытки установления «демократии снизу», так как они сопровождались призывами не только к смене режима, но и к введению гражданских свобод [Lane, 2008]. Однако согласно В. Четеряну, волна цветных революций «привела к революции в единственном смысле – перевернула парадигму транзита» [Cheterian, 2009, p. 130].

¹ Трансформационные выборы приводят к смене режима в результате выборов (Словакия и Хорватия), электоральные революции произошли в Сербии, Грузии и на Украине, в категорию «постэлекторальных выступлений» попадает Кыргызстан, где парламентские выборы стали причиной выступлений, не связанных с выборами [Silitski, 2009, p. 86].

Демократические транзиты и революции «снизу»

Исследователи демократических транзитов (Ф. Шмиттер, Т. Карл, Л. Морлино, К. Стоунер-Вайс) говорят об эквивифинальности транзитов и множестве траекторий. Они признают, что отсутствие единого пути не позволяет создать единую теорию транзита, – переменные и их сочетания, применимые в одних случаях, могут не работать в других.

Классики транзитологии Гильермо О’Доннелл и Филипп Шмиттер считали, что выбор революционного пути (*viarevolucionaria*) уменьшает перспективы политической демократии. Мобилизация может выйти из-под контроля, что будет препятствовать переговорному, пактированному транзиту, поэтому результатом будут либо жестокое подавление движения сторонниками жесткой линии, либо насильственная победа революционно настроенных радикалов. По их мнению, было бы «желательно, чтобы политическая демократия достигалась без мобилизованного насилия и драматической непоследовательности. Передача власти группе своих сторонников и отказ от власти после переговоров с умеренно настроенными оппонентами обладают большим потенциалом для установления или консолидации демократии, чем “свержение” непримиримыми антагонистами» [O’Donnell, Schmitter, 1986, p. 11]. Оптимальная модель транзита (начиная с модели Д. Растоу) включала пакт – соглашение между отдельными акторами, определяющее (или переопределяющее) правила игры на основе взаимных гарантий соблюдения «жизненных интересов» сторон [*ibid.*, p. 37], наличие которого увеличивало вероятность перехода к демократии.

Чтобы транзит был пактированным, необходимо было выполнение двух предварительных условий: раскол правящего режима и существование организованной оппозиции. При этом степень организованности оппозиции оценивалась не по количеству уличных беспорядков, демонстраций протеста, а по наличию формально структурированных организаций, которые в состоянии мобилизовать ресурсы и объединиться в единое сильное движение при угрозе со стороны режима. Там, где эти условия соблюдались, путь к демократии осуществлялся через переговоры между режимом и оппозицией (Польша и Венгрия). Там, где оппозиция была достаточно сильна, но не организована, режимы распадались без

переговоров (ГДР и Чехословакия). Общее скептическое отношение транзитологов к результату революционных транзитов выразил Т.Л. Карл¹: «На настоящий момент ни одна стабильная демократия не появилась в результате транзита, в котором массы захватили контроль, пусть и временный, над правящими классами» [Karl, 1991, p. 8].

С. Хантингтон в свое время выделил три основные формы демократического транзита², только одна из которых – «Замена»³ – была напрямую связана с мобилизацией граждан. При этой форме транзита либерализация (первая фаза транзита) осуществляется «снизу», с мобилизации массового движения, оппозиционного режиму, и роль реформаторов внутри элиты не так важна, так как все призывы к демократизации исходят от оппозиционных сил в обществе. Энергичные действия масс могут спровоцировать ужесточение режима (откат), конфронтацию, которая может перейти в гражданскую войну и революционное свержение прежнего режима. Вариант замены типичен для персоналистских режимов, которые наименее склонны начинать демократические преобразования и осуществлять пактированный транзит, хотя в результате насильственного свержения диктатора не всегда на смену авторитаризму приходит демократия.

По Хантингтону, замена осуществляется в три стадии: борьба оппозиции; распад режима; борьба бывших оппозиционных сил после распада. Существенным отличием этой формы транзита является полный разрыв с прошлым, так как в результате уходят прежние лидеры, а новые лидеры не могут использовать механизмы «обратной легитимности», и им приходится начинать с чистого листа. Для успеха замены необходима стратегия, которая переме-

¹ Карл выделяет две формы транзита, в которых важную роль играют массы: «революционный транзит» – насильственное крушение прежнего режима, начатое массами «снизу», и «реформистский транзит», при котором реформы осуществляются благодаря существенному давлению оппозиции на элиту (Чехословакия, Филиппины), причем оппозиция навязывает компромиссный ненасильственный исход [Karl, 1991].

² «Трансформация» (начинается как реформы «сверху»), «замена» (начинается под давлением «снизу») и «трансмена» (совместные действия правящей элиты и оппозиции) [Huntington, 1991].

³ Замена у Хантингтона аналогична «разрыву / прорыву» Линца, «распаду / краху» Мэйнуоринга, «редемократизации через распад» Степана.

щает баланс сил в пользу оппозиции, позволяя ей набирать силу, одновременно ослабляя правящую элиту. Стратегически оппозиция должна быть сильнее, чем элита, и умеренные внутри оппозиции должны быть лидерами перемен. Для умеренных демократов в оппозиции, чтобы свергнуть авторитарный режим, рекомендуется использовать механизм «последующей легитимности». Инструкция Хантингтона по проведению замены включала действия, направленные на раскол режима через делегитимацию, рекрутирование сторонников, стратегию ненасилия, обеспечение единства оппозиции и контакты с зарубежными неправительственными акторами [Huntington, 1991, p. 149–151].

В исследовании Мунка и Леффа «реформа через распад»¹ представляет собой наименее проблемную модель транзита, так как радикальный разрыв с прошлым позволяет перейти к неограниченным выборам, но раскол контрэлиты и отсутствие консенсуса по основным правилам могут препятствовать демократии и / или демократической консолидации [Munck, Leff, 1997, p. 353–358].

Народное движение, по мнению Шмиттера и О’Доннелла, обычно распадается под воздействием многих факторов: селективных репрессий, кооптации, физической усталости от демонстраций и уличных театров, внутренних конфликтов относительно процедур и политики, разочарованности из-за компромиссных пактов или появления олигархического лидерства [O’Donnell, Schmitter, 1986, p. 55–56]. Поэтому народному движению в транзите отводилась второстепенная роль – заставить акторов в элите двигаться в сторону дальнейших перемен.

Если в третьей волне демократизации (1974–1991) «pactismo» был неотъемлемой частью оптимального транзита, благодаря чему достигался компромисс между частично совпадающими и одновременно частично конфликтующими интересами участников пакта, четвертой волне (термин Мак-Фола для обозначения транзитов после 1991 г.) была свойственна совершенно другая логика. В исследовании Мак-Фола «навязанные транзиты» («сверху») привели к диктатуре, «революционные транзиты» – к консолидированной демократии, а «патовые ситуации» и силовой паритет – к неста-

¹ Главными акторами являются общественные группы и главной стратегией – конфронтация [Munck, Leff, 1997, p. 353–356]. Эта модель включает бархатную революцию в Чехословакии.

бильности как новых демократических, так и новых авторитарных режимов [McFaul, 2002]. В результате Мак-Фол предложил некооперативную модель перехода к демократии как игры с нулевой суммой, для успеха которой необходимы перевес сил в пользу демократов и массовая мобилизация демократического движения. Количественные исследования транзитов третьей и четвертой волн подтверждают выводы Мак-Фола. Отчет Freedom House «Как получают свободу: от гражданского сопротивления к стабильной демократии»¹ анализирует транзиты в 67 странах по трем параметрам: истоки насилия, степень влияния на политический процесс («сверху» или «снизу») и сила ненасильственной гражданской коалиции [Karatnysky, 2005]. Показывая, что гражданское ненасильственное сопротивление стало движущей силой транзита в 50 странах, авторы заключают, что сила и сплоченность оппозиции до транзита приводят к глубоким трансформациям в направлении свободы и демократии, причем перспективы транзита усиливаются, когда оппозиция не использует насилие [ibid.].

Теории ненасильственного протеста

Теории ненасильственных протестных действий развивались отдельно от теорий переходов к демократии, так как авторы фокусировались на разных зависимых переменных. Теории демократического транзита рассматривали насильственные и ненасильственные формы переходов к демократии, теории ненасильственного протеста – способы свержения диктаторов. Теории транзита изучали способы разрешения конфликта через введение демократических процедур, теории ненасильственных протестных действий анализировали способы разжигания конфликта.

Томас Шеллинг писал: «Тиран и его подчиненные находятся в симметричном положении... Они могут отказаться сотрудничать, если у них есть дисциплинированная организация. Он может использовать силу... Они могут отказать ему в удовольствии управлять дисциплинированной страной, он может отказать им в удовольствии самоуправления» [цит. по: Stephan, 2008, p. 44].

¹ Цветные революции не рассматривались в данном отчете.

В этом гражданском отказе и заключается суть протестных ненасильственных действий. Причем «успех применения ненасильственных действий при смене режимов – не импровизация в ответ на события, а стратегия борьбы с диктатурой [Ackerman, Rodal, 2008, p. 116]. Стратег борьбы с диктатурой Джин Шарп, исходящий из того, что диктатор не может сохранять свою власть без согласия и повиновения своих граждан, в 1973 г. предложил практикам 198 методов ненасильственных действий¹ [Шарп, 2003, с. 64–70].

Ненасильственное гражданское сопротивление представляет собой метод ведения конфликта через социальные, психологические, экономические и политические средства [Schock, 2013]. Мирный характер ненасильственного сопротивления отличается от «принципиального ненасилия М. Ганди или М. Лютера Кинга, основанного на религиозных и этических принципах» [Stephan, Chenoweth, 2008, p. 10], так как ненасильственные действия не исключают применения насилия. По мнению Шарпа, «в некоторых случаях ограниченное насилие может оказаться неизбежным» [Шарп, 2003, с. 31]. Однако большинство исследователей подчеркивают, что смешение ненасильственных технологий с насильственной тактикой подрывает эффективность сопротивления.

В отличие от теорий пактированных транзитов, практическое руководство Шарпа предполагало уничтожение режима «снизу» и исключало любой компромисс с диктатурой. Шарп считал, что диктатор может начать процессы демократизации и без переговоров, а переговоры не позволят «устранить сильную диктатуру при отсутствии мощной демократической оппозиции» [Шарп, 2003, с. 15].

С 2003 г.² сильное дисциплинированное движение сопротивления с технологиями ненасильственного протеста стало рассмат-

¹ Эти методы были разделены на три категории в зависимости от стратегической функции: 54 метода ненасильственного протеста и убеждения, 103 метода отказа от социального, политического и экономического сотрудничества и 41 метод ненасильственного вмешательства.

² Летом 2000 г. в журнале «Политическая наука и политика» были опубликованы материалы симпозиума, посвященного ненасильственным протестным действиям, в котором приняли участие Т. Гурр, П. Акерман, С. Тэрроу, Дж. ДюВаль, и др. [см.: Symposium, 2003].

риваться в качестве стратегии замены недемократических режимов демократическими. Если теоретики транзита выделяли две стратегии переходов к демократии (насильственную и ненасильственную), то теоретики ненасильственных протестов предлагали отказаться от данной дихотомии и анализировать ненасильственные действия как набор методов, отличающихся и от насильственной, и от институционализированной политики. Главными отличительными чертами таких движений являются проактивная направленность на смену режима и неинституционализированность (в том плане, что борьба ведется за пределами существующих институтов) [Schock, 2013].

Большое число сравнительных качественных [см., например: Ackerman, DuVal, 2000; Schock, 2003; Schock, 2013] и количественных [Karatnysky, Ackerman 2005; Stephan, Chenoweth 2008] исследований анализируют эффективность ненасильственной борьбы с действующим режимом. Казусно-ориентированные исследования демонстрируют, как ненасильственные акции протеста могут дестабилизировать авторитарные режимы и привести к смене власти (часто к перевороту) и способствовать переходу к демократии. Аккерман и Дювал говорят о наличии «естественной связи» между ненасильственными действиями и демократическим потенциалом, утверждая, что «мобилизация и ненасильственные действия народных движений» ведут к «формированию гражданского общества и укреплению демократии» [Ackerman, DuVal, 2000, p. 148]. Глобальные количественные исследования подтверждают эти предположения. М. Стефан и Э. Ченоуэт на основе анализа основных насильственных и ненасильственных кампаний, проведенных негосударственными акторами с 1900 по 2006 г., продемонстрировали, что ненасильственные кампании были в два раза более успешными, чем насильственные, независимо от типа политического режима и уровня репрессий [Stephan, Chenoweth, 2008]. Исследование Гледича и Селестино показало, что ненасильственные действия играют важную роль, подрывая автократии, и чаще приводят к переходу к демократии, чем к откату к новому авторитаризму, причем вероятность отката выше при отсутствии демократических «соседей» [Celestino, Gleditsch, 2013].

Условия и структурные факторы цветных революций

Согласно Банс и Уолчику, для электоральных революций важны «структура, агенты и процесс» [Bunce, Wolchik, 2009, p. 70]. Структурный подход¹ не может полностью объяснить распады и сохранение посткоммунистических режимов [Way, 2009; Bunce, Wolchick, 2006; 2009; 2011; McFaul, 2002; 2005 и др.], однако некоторые факторы могут способствовать проведению цветных революций. Как писал С. Тэрроу, «рациональные люди редко нападают на хорошо укрепленные крепости при отсутствии возможностей» [цит. по: Way, 2009, p. 95]. К таким возможностям обычно относят нарушения при проведении выборов, наличие оппозиционных партий и независимых источников распространения оппозиционной информации, сильное гражданское общество и западную помощь². Цветные революции представляют собой «попытку оппозиции использовать соревновательные выборы для свержения диктаторов» [Bunce, 2010, p. 36], поэтому они могут произойти только в гибридных режимах³, сочетающих авторитарные и демократические институты и практики.

Гибридные режимы («соревновательный авторитаризм» Левицкого и Уэя или «электоральный авторитаризм» Шедлера) представляют собой полудемократии разного типа: от систем, приближающихся к электоральным демократиям по уровню плюрализма, конкурентности и соблюдения гражданских прав, с доминирующей партией, широко использующей любые средства для превра-

¹ Структурный подход рассматривает объективные (т.е. не зависящие от решений и действий политических акторов) причины, условия, предпосылки, способствующие цветным революциям.

² Хотя многие авторы говорят об отсутствии ресурсов как о структурном факторе, препятствующем авторитарной стабильности (Уэй, Росс и др.), С. Уайт не нашел эмпирических подтверждений тому, что для цветных революций необходимы какие-либо социально-экономические структурные условия [White, 2009, p. 399–401]. Даже по индексу неравенства страны, в которых произошли цветные революции, отличались большим равенством, чем страны, где революций не было: индекс Джини (2000) на Украине составил 0,29, в Грузии – 0,37, в Кыргызстане – 0,35 [White, 2009, p. 403].

³ По мнению Банс и Уолчика, называть гибридные режимы «режимами – значит заморозить их во времени», так как они курсируют между авторитаризмом и демократией [Bunce, Wolchik, 2011, p. 343].

щения оппозиции во второстепенную силу, до персоналистских режимов, а также целый ряд промежуточных вариантов. Главное отличие подобных режимов от настоящих автократий – это готовность толерантно относиться к функционированию (но не победе) оппозиционных партий, существованию независимых СМИ и негосударственных организаций. Однако даже это, по мнению Л. Даймонда, создает условия для будущего прорыва к электоральной демократии [Diamond, 2002].

Гибридные режимы, по мнению многих политологов, нестабильны и могут двигаться как в демократическом, так и в авторитарном направлении (Bunce, McFaul, Hale), и многие события (выборы, смена инкубента, изменение конституции, цветные революции) могут привести к смене вектора. Для Х. Гейла ключевым условием для смены режима является срок полномочий и его соблюдение президентами. Если лидеры ограничены сроками и готовы их соблюдать, это создает неопределенность для дальнейшего функционирования режима. По мнению Гейла, революции возникают в момент перехода власти: непопулярный президент становится «хромой уткой... неспособной сохранить единство внутри команды» [Hale, 2006, p. 308], поэтому потенциальный уход лидера «открывает ящик Пандоры политической борьбы» [ibid., p. 309]. С одной стороны, может произойти раскол внутри элиты, ведущий к появлению альтернативных кандидатов. С другой стороны, увеличиваются шансы оппозиции, так как, согласно эмпирическим исследованиям, при участии в выборах действующего президента у оппозиции практически нет шансов, а при участии преемника шансы оппозиции и власти примерно равны [подробнее см.: Maltz, 2007].

По мнению А. Пшеворского, «авторитарным режимам угрожает организация контргегемонии: коллективные проекты альтернативного будущего. Только наличие коллективных альтернатив дает отдельным личностям возможность политического выбора» [Przeworski, 1991, p. 54–55]. Таким образом, главная задача оппозиции – формирование альтернативного проекта – в случае цветных революций достигается определением плана свержения действующего президента. Примером демонстрации этой альтернативы является показанный грузинской телевизионной станцией «Рустави 2» документальный фильм С. Йорка «Свержение диктатора» о действиях сербского «Отпора».

Для свержения режима и легитимации протестного движения необходима дискредитация режима и его лидеров. Гибридные режимы по определению нарушают демократические нормы и процедуры, представляя возможности для делегитимации режима. Дискредитировать режим будет проще, если лидер не обладает популярностью, поэтому многие авторы (М. Мак-Фол, Л. Уэй) выделяют непопулярность лидера в качестве необходимого условия успеха цветной революции¹. Авторитарные лидеры «стремятся к популярности, поскольку при опоре на репрессии они могут стать заложниками репрессивного аппарата»; если авторитарные лидеры популярны, они «могут себе позволить проведение честных выборов» [Пшеворский, 2013, р. 411].

Лидер может получить или продемонстрировать популярность и тем самым обеспечить стабильность режиму благодаря популистским социально-экономическим проектам и национал-патриотической риторике. Для подобной политики нужны определенные структурные факторы: высокий уровень благосостояния и роста, наличие ресурсов, определенная политическая культура и изоляция со стороны Запада (Л. Уэй). Уэй говорит о сильном государственном потенциале, который если не предотвращает, то значительно усложняет задачу смены режима без сильных протестных движений и позволяет сохранить единство внутри элиты² [Way, 2008, р. 62]. С точки зрения Димитрова, «сложно свергнуть популярный авторитарный режим, независимо от того, является ли эта популярность истинной или продуктом СМИ» [Dimitrov, 2009, р. 78], так как лидер, контролирующий СМИ, не только обеспечивает «верное» освещение политики, но и препятствует распространению оппозиционных взглядов.

По мнению большинства исследователей, структурные факторы «могут сформировать карту возможностей для стратегического и тактического планирования, но они не определяют успеха

¹ Так, рейтинг Л. Кучмы перед цветной революцией по 10-балльной шкале составлял 3,2 балла [Панина, 2006].

² Уэй операционализирует потенциал государства следующим образом: наличие единой сильной правящей партии, эффективный аппарат насилия, победа в крупном насильственном конфликте и дискреционный государственный контроль над экономикой (возможный вследствие отсутствия широкой приватизации или наличия ресурсов) [подробнее см.: Way, 2008, р. 65].

ненасильственных кампаний» [Ackerman, Rodal, 2008, p. 116]. Гибридные режимы могут быть «эффективными не из-за структурного потенциала и способности спрятать свою слабость, а из-за расколотой оппозиции и разобщенности граждан» [Bunce, Wolchik, 2009, p. 71–72]. Эти факторы находятся в фокусе исследований процедурного подхода.

Динамическая модель цветной революции

Представители процедурного подхода изучают цветные революции как результат определенных решений, их последовательности и взаимообусловленности, выбора стратегии и тактики ключевыми акторами процесса. Сторонники процедурного подхода («волюнтаристы») исходят из посылки, что никакие «объективные» институциональные, социально-экономические, культурные существующие (или отсутствующие) условия не в состоянии ни объяснить, ни предопределить решения политических акторов. Фокусирование на процессе позволяет представить динамическую модель цветной революции, которая разворачивается в относительно небольшой промежуток времени между объявлением результатов и инаугурацией (президентские выборы).

Динамическая модель цветной революции включает следующие фазы¹.

1. *Подготовительная*: гибридный режим с непопулярным президентом, объединенной оппозицией и внешней поддержкой местных демократических акторов, организация протестных действий для уменьшения популярности лидера и делегитимации режима, успешная предвыборная кампания оппозиционного кандидата, направленная на стимулирование политического участия граждан в выборах.

2. *Мобилизационная*: фальсификация результатов выборов, способность оппозиции выявить факты (независимый внешний и внутренний мониторинг выборов) и заявить о них, протестная информационная кампания (независимые СМИ), широкая мобилизация против результатов, раскол режима (и аппарата безопасности

¹ Подробнее см.: [McFaul, 2007; McFaul, 2005, p. 7; Bunce, Wolchik, 2006, p. 6].

режима) и присоединение части элиты к оппозиционному движению, внешнее дипломатическое давление.

3. *Революционная*: признание режимом поражения, переход власти к революционным лидерам, новые выборы.

Согласно Пшеворскому, для смены режима необходимы раскол элиты и движение «снизу», причем оба признака взаимно дополняют друг друга, так как раскол в элите будет стимулировать массовое оппозиционное движение «снизу», которое приведет к расколу в элите. Динамика распада режима представляет собой спираль из внутренних расколов и народной мобилизации [Пшеворский, 2013, с. 426]. Динамическая модель цветной революции является результатом расчетов (и просчетов) акторов внутри режима и оппозиции при достижении противоположных целей: действия режима направлены на кооптирование и разделение оппозиции, которая, в свою очередь, стремится расколоть режим и лишить его источников поддержки.

Для некоторых исследователей распад режима является результатом скорее слабости авторитаризма, чем силы оппозиции [Way, 2008, p. 62], другие считают, что силу автократии следует рассматривать относительно силы оппонентов [McFaul, 2007, p. 52], третьи говорят о необходимости достижения дисбаланса сил и перевеса в сторону массовой мобилизации [Beissinger, 2009]. Роберт Даль писал, что вероятность становления полиархии тем выше, чем больше цена толерантности превышает цену репрессий. Если цена репрессий будет увеличиваться с ростом протестного движения, значит, у массовых движений снизу будет больше шансов на осуществление смены режима. Цену репрессий увеличат конфронтация внутри элиты и переход части элиты на сторону оппозиции. Лояльность же президенту со стороны элит и внутренних сил безопасности может привести к спаду протестного движения без широкомасштабных репрессий [D'Anieri, 2009], поэтому «критическая масса» протестного движения должна достигаться через раскол элиты. Основными организационными факторами, усиливающими оппозицию, являются уровень мобилизации, единство оппозиционного движения, степень поддержки оппозиции, наличие эффективного руководства и методы.

Выборы – главная фаза электоральной модели смены режима, и так как выборы происходят с регулярными интервалами, оппо-

зияция может эффективно спланировать подготовительную работу. С точки зрения Дж. Браунли, «выборы являются симптомами, а не причинами режимных изменений» [Brownlee, 2007, p. 10], но в случае цветных революций соревновательные выборы становятся необходимым условием для их осуществления. Проводя выборы, авторитарные лидеры надеются «сорвать плоды электоральной легитимности без риска демократической неопределенности» [Schedler, 2002, p. 37]. Б. Магалони утверждает, что авторитарные выборы нужны для сохранения режима, так как предотвращают объединение оппозиции, только часть которой будет участвовать в таких выборах, а также демонстрируют силу власти [Magaloni, 2006, p. 8–10]. По мнению Пшеворского, «победа даже на несоревновательных выборах создает автономный источник власти» [Пшеворский, 2013, с. 424], автономный от других лояльных режиму невыборных сил, не обладающих легитимностью. В авторитарных режимах всегда «оппозиционные партии проигрывают выборы» [Schedler, 2002, p. 47], поэтому оппозиция, участвуя в выборах, обрекает себя на поддержку существующего режима, а не на его насильственное свержение. В случае цветных революций оппозиция соглашается «играть по правилам» режима, но в случае нарушения режимом этих правил стремится восстановить справедливость.

Для осуществления электоральной модели смены режима необходима эффективная предвыборная кампания с единым кандидатом от оппозиции и протестная кампания против коррупции / неэффективности / недемократичности режима с использованием позитивного (например, оранжевого) цвета и юмора. Причем президентские выборы скорее обеспечат единство оппозиции, чем парламентские. Так как критике подвергается не режим, а нарушения, связанные с конкретным руководством, «революционеры» могут использовать механизм «обратной легитимности» (в понимании Хантингтона), что позволяет получить дополнительную легитимацию их лозунгам и действиям. Предвыборная фаза также включает определенный набор действий, направленных на увеличение шансов оппозиции на выборах и предотвращение фальсификаций, включая объединение оппозиции, работу с неправительственными организациями и гражданским обществом, мобилизацию широкой явки избирателей, давление на режим с целью обеспече-

ния прозрачности выборов через мониторинг и параллельные подсчеты результатов [подробнее см.: Bunce, Wolchik, 2009, p. 70]. В результате подготовительной работы происходит «критический поворот в сознании граждан... что является необходимым условием для широкомасштабных общественных протестов» [Bunce, Wolchik, 2011, p. 333].

Выборы для авторитарных лидеров – «ключевой элемент персональной стратегии выживания» [Geddes, 2005], так как они разделяют оппозицию, обеспечивая селективную кооптацию лояльных фракций (партий), и предотвращают появление объединенного оппозиционного фронта, поэтому важной задачей для оппозиции является достижение единства. Единая оппозиция (Банс, Уолчик, Бейсинджер) или хотя бы «ощущение единства» (Мак-Фол) – главное условие успеха оппозиции.

Искрой для цветной революции, стимулирующей массовую мобилизацию протеста, является объявление результатов выборов в пользу инкумбента или преемника и обвинения в широкомасштабной фальсификации. Обычно искажение результатов выборов в пользу инкумбента свидетельствует о недостаточной поддержке режима гражданами или о силе оппозиции. Однако для цветной революции главное – не факт фальсификации, а «обвинения режима в фальсификациях со стороны оппозиции... и достаточное число сторонников для объявления оппозиционного кандидата победителем» [Cheterian, 2009, p. 146]. «Оппозиция рассматривает поражение режима в институциональных рамках как признак слабости и требует большего на улицах» [Пшеворский, 2013, с. 418–419], причем «единственной реалистичной альтернативой протестам для оппозиции является только признание поражения» [Way, 2008, p. 57].

С точки зрения П. Аккермана, для успеха гражданского ненасильственного сопротивления необходимы три элемента: во-первых, движение должно быть представительным (включать население всех регионов, слоев, партий); во-вторых, для обеспечения широкой мобилизации сопротивление должно быть хорошо спланировано; в-третьих, оно должно использовать ненасильственную стратегию [Ackerman, Rodal, 2008, p. 117–118]. Представительство, численный состав и ненасильственные методы обеспечивают легитимацию движения и увеличивают «цену репрессий». Как отмечает Уэй, и использование насилия, и готовность к использова-

нию насилия – «стержень стратегии оппозиции» [Way, 2008, p. 58], хотя использование насилия уменьшает шанс дезертирства сторонников режима и их вступление в ряды оппозиции, сохраняя их лояльность режиму [Ackerman, Rodal, 2008, p. 117–118].

По мнению Дж. Такера, фальсифицированные выборы могут решить две главные проблемы коллективных действий, и участие в коллективном протесте будет иметь больше шансов на успех. Во-первых, проблема «безбилетника» практически исчезает вследствие фальсифицированных выборов и ненасильственных стратегий. Цена бездействия будет намного выше, так как бездействие может привести к провалу и потере возможности свержения режима, а ненасильственные практики уменьшают вероятность большого числа жертв, что должно стимулировать участие. Во-вторых, проблема координации может быть решена еще перед выборами, если оппозиция мобилизуется вокруг единого кандидата [Tucker, 2007, p. 542].

Широкие протестные движения не имеют общей идеологии. М. Жеребкин указывает на то, что именно «универсальность политических целей позволила создать широкий альянс различных социальных сил» [Zharebkin, 2009, p. 201]. Главное, что их объединило, – критика действующего президента, позиционирование оппозиции в качестве «антитезы прежним лидерам», т.е. «не идеология – а уверенность, что они будут более искренне следовать общей демократической цели, которая не была достигнута свергаемым режимом» [Ó Beacháin, 2009, p. 219]. Мобилизация с целью обеспечения демократии также придает внутреннюю и международную легитимность цветному протестному движению. Мобилизация протестов может привести к различным реакциям со стороны режима – репрессиям, пересчету результатов, отставке или новым выборам. Большую роль при этом играют альтернативные средства массовой информации, демонстрирующие слабость действующего лидера и широкую поддержку оппозиции, и позиция внешних акторов.

Роль внешних факторов

Исследователи электоральных революций часто говорят о диффузии, импорте технологий, цветной волне и процессах имитации, заражения, демонстрации и трансплантации модели. Для

одних исследователей (Уэй) цветные революции представляют собой ряд отдельных не связанных между собой казусов, так как каждая революция произошла в соответствии со своим электоральным циклом независимо от успеха других революций в регионе [Way, 2008, p. 56], для других – все цветные революции связаны между собой в одну волну [Beissinger, 2009]. Действительно, по многим параметрам они определяются логикой внутренних процессов, однако как успешные, так и неудавшиеся попытки электоральной смены власти испытывали существенное влияние внешних, международных факторов.

Банс и Уолчик считают, что мобилизация против режима является вариантом диффузии, которую они понимают как «процесс, в ходе которого распространяются новые идеи, институты, политика, модели и репертуар поведения». По их мнению, «диффузия всегда включает сознательное решение местных акторов, часто в сотрудничестве с международными союзниками, скопировать инновации, использованные акторами в других контекстах, – решение, которое исходит из их ценностей и интересов и учитывает стимулы, возможности и потенциал» [Bunce, 2010, p. 34]. Таким образом, демонстрационный эффект позитивных примеров в других странах объясняет похожие формы протестов и следование общей электоральной модели смены власти.

По мнению М. Бейсинджера, хотя ключевые акторы и заинтересованы объяснять революции внутренними причинами, они уделяли большое значение кросснациональным связям и программам транснационального гражданского общества, заимствуя тактики, лозунги и даже логотипы [Beissinger, 2009, p. 76]. Каждая успешная революция поставляла «новые кадры революционеров для распространения идей и подготовки оппозиционеров из Румынии и Словакии в Сербию, из Сербии – в Грузию и потом на Украину» [Way, 2008, p. 55].

Продвижение демократии работает только в странах, граничащих с демократиями, где регулярно проводятся в какой-то степени соревновательные выборы, есть партии и развитое гражданское общество, наблюдаются демократизационные тренды [Bunce, Wolchik, 2006, p. 14]. Уэй также считает, что внешние факторы играли большую роль в восточноевропейских электоральных революциях, а внутренние факторы были в центре постсоветских

режимных изменений [Way, 2008, p. 60]. Для восточноевропейских стран открывалась перспектива членства в ЕС, что создавало препятствия для сохранения авторитарных режимов. Согласно Фенгеру, революцию можно импортировать только в странах, открытых для международного влияния, в которых внешние организации выполняют роль «пусковых механизмов демократизации» [Fenger, 2007, p. 20]. С. Левицки и Л. Уэй выделили два критерия, влияющих на траектории режимных изменений: «рычаги» (давление Запада) и «узы» (связь с Западом). Связи с Западом, возможные только в открытых авторитарных режимах, увеличивают затраты лидеров по поддержанию режима, во-первых, демонстрируя Западу все нарушения, во-вторых, увеличивая вероятность ответных мер («рычагов»), в-третьих, поддерживая демократически ориентированных акторов, и, в-четвертых, изменяя баланс сил в пользу демократии. По мнению авторов, использование Западом «рычагов» при слабых «узах» приводит к появлению новых авторитарных режимов, низкое давление при слабых связях ведет к установлению соревновательного авторитаризма, а наиболее успешно использование «рычагов» в странах, имеющих сильные связи с Западом [Levitsky, Way, 2005].

По мнению Банс и Уолчика, между структурными факторами и электоральными изменениями в посткоммунистическом регионе находился «специфический набор стратегий для победы на выборах, который разрабатывался, применялся и передавался через транснациональную сеть западных, региональных и местных демократически ориентированных активистов» [Bunce, Wolchik, 2009, p. 72]. В упрощенном виде логику международных акторов, продвигающих демократию в недемократических и гибридных режимах, Т. Карозерс объединил в «парадигму транзита»¹. Ключевым звеном в «парадигме» выступает проведение выборов в качестве «прорыва к демократии» независимо от структурного и культурного

¹ По мнению Т. Карозерса, в основе этой «парадигмы» лежат следующие послышки: 1) страна, отходящая от диктаторского правления, движется к демократии; 2) демократизация предполагает совокупность последовательных стадий, ведущих к консолидации; 3) ключевым элементом перехода к демократии являются выборы; 4) структурные характеристики гораздо меньше влияют на исход транзита, чем процедурные; 5) демократизация осуществляется в рамках дееспособных государств [Карозерс, 2003, с. 44–47].

контекстов¹. Это объясняется в первую очередь управленческим циклом, при котором эффективность использованных ресурсов оценивается с помощью определенных индикаторов успеха. Эффективность подготовки и проведения выборов операционализирована лучше, чем другие элементы политики продвижения демократии.

В плане продвижения демократии Банс и Уолчик обозначили пять сфер специализации США: во-первых, свободные и честные выборы², во-вторых, увеличение представительства меньшинств, в-третьих, работа с оппозиционными партиями, в-четвертых, развитие и применение электоральной модели и, в-пятых, поддержка гражданского общества [Bunce, Wolchik, 2011, p. 337].

Подтверждения фактам западной помощи можно увидеть в казусах цветных революций. Так, Грузия в период между 1995 и 2000 гг. получила более 700 млн долл. США³ и 42 млн евро от Евросоюза в период между 1992 и 2004 гг., большая часть которых была направлена на развитие демократии и управления, включая избирательную и судебную реформы, развитие местного самоуправления и гражданского общества [Tudoroiu, 2007, p. 323]. На реформы «снизу» и апробацию сербской модели мирной смены режима были направлены программы Института «Открытое общество», который в том числе финансировал независимый канал «Рустави 2» и газету «24 саати» (24 часа) и поездки активистов «Кмары» в Белград [White, 2009; Tudoroiu, 2007; Ó Beacháin, 2009]. За 13 лет (1992–2000) Кыргызстан получил более 120 млн долл. в форме грантов для НПО, а за год до революции на программы в поддержку демократии было потрачено 12 млн из общего пакета помощи в 50,8 млн. Правительство США потратило 170 тыс. долл. на оборудование для 1300 избирательных участков, 320 тыс. – на подготовку членов комиссии, 100 тыс. – на подготовку наблюдате-

¹ Необходимо отметить, что директор программы «Демократия и управление» Агентства США по международному развитию назвал парадигму Карозерса «соломенным чучелом», а президент Национального института демократии заметил, что нет «свидетельств, что неправильная парадигма подорвала все предприятие» [подробнее см.: Wollack, 2002, p. 20–25; Human, 2002, p. 31].

² Сравнительный анализ показывает, что присутствие наблюдателей уменьшает нарушения на выборах на 60% [Asunka, 2013].

³ В 2002–2003 гг. Грузия занимала 4-е место по помощи (на душу населения) Агентства США по международному развитию (в Грузии на душу населения было потрачено 200 долл., в России – 1,25 долл.) [Tudoroiu, 2007, p. 323].

лей и 300 тыс. – на информационное сопровождение [Ó Beacháin, 2009, p. 209].

О Бойхин считает, что «западное пренебрежение, а не вмешательство способствовало революциям... удерживая непопулярных автократов у власти после истечения срока годности... Запад отсрочил революции, а не ускорил их» [Ó Beacháin, 2009, p. 222]. Количественный анализ влияния политики Фонда в поддержку демократии (NED) в период 1990–1999 гг. демонстрирует, что программы были скорее направлены на ослабление авторитарных режимов, но не на продвижение демократии [подробнее см.: Scott, Steele, 2005]. Возможно, поэтому Банс и Макфол пришли к выводу, что «глобальный марш к демократии остановился, частично вследствие международной борьбы за режимные изменения» [Bunce, McFaul, 2010, p. 335].

Итоги цветных революций

Исследователи цветных революций уделяют больше внимания факторам и процессу революций, чем их последствиям. Фейрбанкс называет цветные революции «церемониальным обрядом перехода, символизирующим водораздел между двумя отчетливо различными периодами, определяющим новых национальных героев и злодеев и восстанавливающим национальные традиции» [Fairbanks, 2007, p. 56]. Приведет ли этот «обряд» к демократии, зависит от политической воли акторов революции.

По мнению Баррингтона, основным результатом цветных революций стало то, что лидеры гибридных режимов в дальнейшем «не будут фальсифицировать выборы без страха перед последующими массовыми демонстрациями» [Barrington, 2012, p. 314]. Эти скромные неревolutionонные результат объясняются тем, что организаторы цветных революций не ставили цель системной общественной трансформации. Риторика цветной революции была направлена на восстановление демократических процедур, нарушенных в ходе выборов, однако эти электоральные нарушения были всего лишь «вершиной айсберга». Цветные революции выявляли проблемы гибридных политических режимов, но решали их

через «циркуляцию элит» внутри одного политического режима¹. После революции оппозиция восстанавливала или даже усиливала² недемократические практики прежнего режима. Конституционные изменения, включая переход от президентско-парламентских систем к премьер-президентским (Украина, Кыргызстан), оказались экспериментами с формой без изменения содержания [Харитоновна, 2014].

Таким образом, с одной стороны, стратегия изменений «снизу» препятствует компромиссу, консенсусу и толерантности, необходимым для демократии. С другой стороны, без системной трансформации поверхностные реформы приводят к откату от демократии. Кроме того, нерешенность проблем ведет к новым всплескам разочарования³, поэтому, по мнению Фэйрбанка, главная опасность заключается в том, что «ненасильственные смены режима могут привести к насильственным имитациям» [Fairbanks, 2007, p. 54].

Литература

- Карозерс Т.* Конец парадигмы транзита // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – № 2. – С. 42–65.
- Панина Н.* Демократизация в Украине и оранжевая революция в зеркале общественного мнения // Зеркало недели. Украина. – Киев, 2006. – № 19, 19 мая. –

¹ С точки зрения Г. Хейла, даже сильное движение в сторону демократии в определенный момент является не транзитом или траекторией, а всего лишь раскачиванием внутри гибридного режима [Hale, 2005, p. 134].

² Например, увеличение полномочий президента в Грузии.

³ Так, после оранжевой революции на Украине по результатам опросов общественного мнения был отмечен «заметный рост демократических настроений в начале 2005 г... по таким показателям, как доверие к президенту, правительству, Верховной раде; доверие к институту многопартийной системы, партиям и партийным лидерам; осознание собственной политической эффективности – уверенности в том, что “простые” люди могут оказывать влияние на политические процессы, происходящие в стране; повышение социального оптимизма – ожиданий и уверенности в том, что ситуация в стране будет улучшаться» [Панина, 2006]. Однако «революционные ожидания, надежды и иллюзии не выдержали постреволюционных реалий, приведших к восстановлению застойных тенденций и возвратных настроений в украинском обществе. Результаты опроса, проведенного через год (сразу после парламентских выборов в апреле 2006 г.), продемонстрировали возврат демократических установок и настроений населения на исходные позиции начала 2004 г.» [Панина, 2006].

- Режим доступа: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/demokratizatsiya_v_ukraine_i_oranzhevaya_revolutsiya_v_zerkale_obschestvennogo_mneniya.html (Дата посещения: 08.01.2014.)
- Пшєворский А. Политический институт и политический порядок // Демократия в российском зеркале / Ред.-сост.: А.М. Мигранян, А. Пшєворский. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – С. 398–428.
- Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. – М., 2003. – № 4. – С. 152–160.
- Харитонова О.Г. Постсоветские конституции: только ли институты имеют значение? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 1. – С. 69–93.
- Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Pro et Contra. – М., 2008. – № 1. – С. 6–21.
- Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. – Бостон: Институт им. А. Эйнштейна, 2003. – 70 с.
- Ackerman P., DuVall J. Nonviolent power in the twentieth century // PS: Political science and politics. – Washington, D.C., 2000. – Vol. 33, N 2. – P. 146–148.
- Ackerman P., Rodal B. The strategic dimensions of civil resistance // Survival. – Oxfordshire, OX, 2008. – Vol. 50, N 3. – P. 111–126.
- Asunka J., Brierley S. Protecting the polls: The effect of observers on election fraud. – Los Angeles, 2013. – 50 p. – Mode of access: http://cega.berkeley.edu/assets/miscellaneous_files/Asunka_et_al_Protecting_the_Polls.pdf (Дата посещения: 15.04.2014.)
- Barrington L. Comparative politics: Structures and choices. – 2nd ed. – Australia: WADSWORTH Cengage learning, 2013. – 431 p.
- Beissinger M. An interrelated wave // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 20, N 1. – P. 74–77.
- Beissinger M. Structure and example in modular political phenomena: The diffusion of bulldozer / rose / orange / tulip revolutions // Perspective on politics. – N.Y., 2007. – Vol. 5, N 2. – P. 259–276.
- Brownlee J. Authoritarianism in the age of democratization. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – 264 p.
- Bunce V., Wolchik S. Defeating authoritarian leaders in postcommunist countries. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – 373 p.
- Bunce V., Wolchik S. Favorable conditions and electoral revolutions // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2006. – Vol. 17, N 4. – P. 5–18.
- Bunce V., Wolchik S. Getting real about «real causes» // Journal of democracy. – 2009. – Vol. 20, N 1. – P. 69–73.
- Carter A. People power and political change: Key issues and concepts. – L.; N.Y.: Routledge, 2012. – 297 p.
- Celestino M.R., Gleditsch K.S. Fresh carnations or all thorn, no rose? Nonviolent campaigns and transitions in autocracies // Journal of peace research. – Oslo, 2013. – Vol. 50. – P. 385–400.
- Cheterian V. From reform and transition to «Coloured revolutions» // Journal of communist studies and transition politics. – L., 2009. – Vol. 25, N 2–3. – P. 136–160.
- D'Anieri P. Explaining the success and failure of post-communist revolutions // Communist and post-communist studies. – Oxford, 2006. – Vol. 39, N 3. – P. 331–350.

- Democracy and authoritarianism in the postcommunist world / Bunce V., McFaul M., Stoner-Weiss K. (eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 347 p.
- Diamond L.* Thinking about hybrid regimes // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 21–35.
- Dimitrov M.* Popular autocrats // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 20, N 1. – P. 78–81.
- Fairbanks C.H.* Georgia's rose revolution // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2004. – Vol. 15, N 2. – P. 110–124.
- Fairbanks C.H.* Necessary distinctions // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 20, N 1. – P. 82–85.
- Fairbanks C.H.* Revolution reconsidered // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2007. – Vol. 18, N 1. – P. 42–57.
- Fenger M.* The diffusion of revolutions: Comparing recent regime turnovers in five post-communist countries // *Demokratizatsiya*. – Washington, D.C., 2007. – Vol. 15, N 1. – P. 5–28.
- Hale H.E.* Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism // *Communist and post-communist studies*. – Oxford, 2006. – Vol. 39, N 3. – P. 305–329.
- Hale H.E.* Regime change cascades: What we have learned from the 1848 revolutions to the 2011 Arab uprisings // *Annual review of political science*. – Palo Alto, Calif., 2013. – Vol. 16. – P. 331–353.
- Hale H.E.* Regime cycles: Democracy, autocracy, and revolution in post-Soviet Eurasia // *World politics*. – Baltimore, MD, 2005. – Vol. 58, N 1. – P. 133–165.
- Heathershaw J.* Rethinking the international diffusion of coloured revolutions: The power of representation in Kyrgyzstan // *Journal of communist studies and transition politics*. – L., 2009. – Vol. 25, N 2–3. – P. 297–323.
- Huntington S.* Political order in changing societies. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1968. – 488 p.
- Huntington S.* The third wave: Democratization in the late 20 th century. – Norman: Univ. of Oklahoma press, 1991. – 384 p.
- Hyman G.* Tilting at straw men // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, N 3. – P. 26–32.
- Karatnycky A., Ackerman P.* How freedom is won: From civic resistance to durable democracy. – N.Y.: Freedom House, 2005. – 52 p.
- Karl T.L.* Dilemmas of democratization in Latin America // *Comparative politics*. – N.Y., 1990. – Vol. 23, N 1. – P. 1–21.
- Lane D.* The orange revolution: «People's revolution» or revolutionary coup? // *British journal of politics and international relations*. – Oxford, 2008. – Vol. 10, N 4. – P. 525–549.
- Levitsky S., Way L.* International linkage and democratization // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2005. – Vol. 16, N 3. – P. 20–34.
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 296 p.
- Maltz G.* The case for presidential term limits // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2007. – Vol. 18, N 1. – P. 128–142.
- McFaul M.* The fourth wave of democracy and dictatorship. Noncooperative transitions in the postcommunist world // *World politics*. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 54, N 2. – P. 212–244.

- McFaul M.* Transitions from postcommunism // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2005. – Vol. 16, N 3. – P. 5–19.
- Munck G.L., Leff C.K.* Modes of transition and democratization: South America and Eastern Europe in comparative perspective // *Comparative politics*. – N.Y., 1997. – Vol. 29, N 3. – P. 343–362.
- Ó Beacháin D.* Roses and tulips: Dynamics of regime change in Georgia and Kyrgyzstan // *Journal of communist studies and transition politics*. – L., 2009. – Vol. 25, N 2–3. – P. 199–226.
- O'Donnell G., Schmitter P.C.* Transitions from authoritarianism. Tentative conclusions about uncertain democracies. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1986. – 81 p.
- Schedler A.* Elections without democracy: The menu of manipulation // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 36–50.
- Schock K.* Nonviolent action and its misconceptions: Insights for social scientists // *PS: Political science and politics*. – Washington, D.C., 2003. – Vol. 36, N 4. – P. 705–712.
- Schock K.* The practice and study of civil resistance // *Journal of peace research*. – Oslo, 2013. – Vol. 50, N 3. – P. 277–290.
- Scott J., Steele C.* Assisting democrats or resisting dictators? The nature and impact of democracy support by the United States national endowment for democracy, 1990–99 // *Democratization*. – L., 2005. – Vol. 12, N 4. – P. 439–460.
- Silitski V.* What are we trying to explain? // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 20, N 1. – P. 86–89.
- Stephan M.J., Chenoweth E.* Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict // *International security*. – Cambridge, MA, 2008. – Vol. 33, N 1. – P. 7–44.
- Symposium: A force more powerful // *PS: Political science and politics*. – Washington, D.C., 2003. – Vol. 33, N 2. – P. 146–187.
- Thompson M.R.* Democratic revolutions: Asia and Eastern Europe. – L.: Routledge, 2004. – 180 p.
- Tucker J.A.* Enough! Electoral fraud, collective action problems, and post-communist colored revolutions // *Perspectives on politics*. – N.Y., 2007. – Vol. 5, N 3. – P. 535–551.
- Tudoroiu T.* Rose, orange, and tulip: The failed post-Soviet revolutions // *Communist and post-communist studies*. – Oxford, 2007. – Vol. 40, N 3. – P. 315–342.
- Way L.* A reply to my critics // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 20, N 1. – P. 90–97.
- Way L.* The real causes of the color revolutions // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2008. – Vol. 19, N 3. – P. 55–69.
- White S.* Is there a pattern? // *Journal of communist studies and transition politics*. – L., 2009. – Vol. 25, N 2–3. – P. 396–412.
- Wollack K.* Retaining the human dimension // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, N 3. – P. 20–25.
- Zherebkin M.* In search of a theoretical approach to the analysis of the «colour revolutions»: Transition studies and discourse theory // *Communist and post-communist studies*. – Oxford, 2009. – Vol. 42, N 2. – P. 199–216.